

## Что такое старообрядчество?

Обычно под старообрядчеством понимается то русское течение, которое религиозно объединяет миллионы людей, называемых старообрядцами. Но такое определение ничего по существу не определяет, ибо остается невыясненным самое это «церковное течение». В огромной литературе по старообрядчеству содержатся совершенно различные определения старообрядчества. По казенному определению, это раскол Русской Церкви, обрядоверие, поклонение букве и, значит, невежество.

Известный единоверческий священник Иоанн Верховский, в противоположность этому семинарско-казенному взгляду попытался дать более осмысленное определение сущности старообрядчества в представленной им Докладной Записке правительствующему Синоду в 1881 г.: «Старообрядство (так именует о. Верховский. — *Ф.М.*) не есть раскол: можно ли называть расколом то, что недвижно стоит на месте? Старообрядство есть, прежде всего, **держание старого обряда**, обряда безукоризненно православного, обряда древних наших государей и святителей. На это держание Московскими соборами 1656 и 1667 гг. была наложена запретительная клятва. Поэтому старообрядство стало, во-вторых, **противлением в обряде** церковным властям. Эту запретительную клятву святейший Никон впоследствии назвал «безрассудной»<sup>1</sup>. Стало быть, в-третьих, старообрядство есть **протест против безрассудств** властного произвола.

Далее, свобода и осмысленность следования за пастырями есть характерная черта, отличающая восточное Православие от папизма, который требует от пасомых безусловного послушания до отречения от смысла и совести. Русские люди во время Никона не отреклись ни от совести, ни от свободы, ни от здравого смысла. Стало быть, старообрядство есть, в-четвертых, **протест** русского православного народа **против** внесения архипастырями идей и дисциплины **папизма** в теорию и практику отечественной Церкви.

Наконец, народность во внешних ее проявлениях есть совокупность ее характеристик, которыми каждый народ отличается от всех остальных. Русский народ очень ценил и берег эти характеристики. Следовательно, старообрядство есть, в-пятых, **народный протест против** посягательств **чужеземности** на русскую народность, так возмутительно обнаруживших себя в запретительной клятве, продиктованной греческими проходимцами и киевскими латинистами, господствовавшими тогда в Москве. Русский великий народ превратился бы в толпу идиотов, если бы в делах религии отказался от свободы, а с нею от смысла и совести: перестал бы быть православным, если бы не стал за свою плоть и кровь, за свои народные характеристики»<sup>2</sup>.

Вот что значит старообрядчество, по определению и разъяснению единоверческого деятеля и писателя.

Однако, несмотря на всю сложность и обширность этого определения, оно далеко не полно и в некоторых чертах своих не совсем верно.

Нужно знать, что русским церковным людям, получившим название «старообрядцев», оно навязано извне. Только со времени императрицы Екатерины Великой их стали так называть. А до того времени официальное название им было: «раскольщики» или «раскольники». Сами же они величали себя, как в литературе, так и в обиходе, «староверами» или «староверцами», «древнеправославными христианами», Церковью Христовой. Раскол Русской Церкви при Никоне-патриархе произошел не из-за обрядов только или книжного исправления. Тогда и этого слова — **обряд** — не было в употреблении, говорили: обычаи, предания, уставы, установления. Слово «обряд» совсем не церковное, оно модернистически прокралось в церковь и получило здесь декоративное значение, покрыв собою почти всю церковность и все ее проявления.

При Никоне и в последующее за ним время спорили русские люди и шли на великие страдания и мучения не из-за «обрядов», а из-за «великих догматов церковных». Ведь вышеупомянутые о. Верховским Московские соборы 1656 и 1667 гг. не только отменили и из-

<sup>1</sup> С.М. Соловьев. История России. Т. XI. С.335.

<sup>2</sup> И. Верховский. Докладная Записка правительствующему Синоду. 1881.

гнали из церкви старые «обряды» (двоперстие, сугубую аллилуйю и др.), но и объявили их «зело» еретическими, заключающими в себе нечестивейшие верования древнейших еретиков, осужденных Вселенскими соборами: ариан, македониан, несториан, армян и других, признали «злбожным разделением», «адовой пропастью», «бесовским написанием» и «чертовым преданием». С «обрядами» так не поступают, а лишь со страшными догматическими заблуждениями. И староверы, со своей стороны, доказывали, что никоновские нововведения имеют характер догматических заблуждений. Об этом свидетельствует вся староверческая литература, включая даже такие капитальные произведения, как знаменитые *«Диаконьвы ответы»* и еще более знаменитые *«Поморские ответы»*. Споры были тогда, как видим, совсем не обрядовые, как теперь их представляют, а серьезно-богословские, подлинно догматические. Да и чисто обрядовые вопросы в то время имели характер чрезвычайной важности. Тогда, особенно при напряженности спорящих сторон, не существовало современного безразличия в делах и вопросах веры. Не только староверы, но и их противники придавали внешнему проявлению церковности, всяким обычаям церковным значение чрезвычайное, догматическое. В этом не может быть ни малейшего сомнения, стоит вспомнить только, что даже такой, с теперешней точки зрения, ничтожный обряд, как триперстное сложение, был соборне закреплён на вечные времена беспримерными в церковной истории проклятиями и анафемами. Главным образом из-за него были гонимы и преследуемы миллионы русских людей в течение столетий. Из-за пальцев были сотни тысяч самых верных сынов России уничтожены на плахах, виселицах, на ужасных пытках, сожжены в срубах, загнаны в непроходимые леса, за болота, на далекие окраины и за рубеж: в Польшу, Молдавию, Румынию, Австрию, Турцию и даже в Китай и Японию.

В наше время церковно-историческая наука твердо установила, что старообрядцы стояли действительно за старые, древние обряды, а Никон-патриарх и его сторонники вводили новые обряды. *«По неведению»*, — сознаются теперь православные ученые богословы, — новый собор 1667 г. осудил *старые* обряды и богослужебные тексты и оградил клятвами обряды и тексты *новоисправленные* в качестве обрядов древнегреческих. Двести лет бесплодная полемика опиралась на эти мнимые истины, пока академическая наука не доказала документально, что правилась обряды и чины не по древнегреческим, а по *новопечатным* книгам, что и двоперстие, и сугубая аллилуйя и прочие обряды действительно *старогреческие*. Поэтому практические отношения к старообрядцам церковной власти должны быть соответственно перестроены»<sup>3</sup>.

Старообрядцы, стало быть, даже по новейшим ученым исследованиям, совершенно правильно носят это наименование, а противники их, принявшие никоновские реформы, на том же основании правильно называются новообрядцами.

Новообрядцы всегда, в течение столетий, были крайними обрядоверами, упорными и жестокими буквоедами. За одно только слово в Символе веры — *истиннаго*, нужное слово, весьма необходимое, догматически оправданное, — новообрядцы считали такой Символ еретическим и за него проклинали и гнали. За один только палец (вместо *двое*-перстия — *три*-перстие) они миллионы людей мучили, в буквальном смысле этого страшного слова, и целые века. Даже после учреждения единоверия, которым было признано православие и святость старых обрядов и книг, даже после установления наукой древности этих обрядов и недавнего происхождения никоновских обрядов новообрядцы, по крайней мере их архипастырство, ненавидят древние «старообрядческие» обряды и всячески стараются их уничтожить, а на место их утвердить новые. Учредив единоверие, правительствующий Синод все-таки обусловил, что оно должно быть со временем уничтожено и дается оно единоверцам лишь с тем, чтобы они «со временем были Богом просвещены и пришли бы в неразньствующее с церковью согласие», то есть оставили древние предания и обычаи и приняли новые, никоновские обряды. В такой, дикой даже, степени обрядоверны новообрядцы. Знают, что эти обряды новые, неправильные, несовершенные, и все же стоят за них, навязывают их всему русскому народу. Они, таким образом, в несравненной степени обрядовернее старообрядцев.

Однако такое ужасающее обрядоверие и буквоедство не помешали новообрядчеству провозгласить и установить новые взгляды на внешнюю церковность, которая во всей своей

---

<sup>3</sup> Живое предание. Православие и современность. // Сб. ст. Париж. Б. г. С.41.

совокупности признана обрядностью, покровом, одеждою, которую можно менять и совсем снимать. Правительствующий Синод Петровского времени под влиянием тогдашних веяний с Запада впервые начал учить, что внешнее богопочтение есть «вещь средняя, ниже нужная, ниже потребная ко спасению»<sup>4</sup>. Если обряды так не важны, что даже не потребны ко спасению, то чего же с ними церемониться — их молено и совсем не исполнять. Синод признал, что даже в таинстве крещения не имеет значения видимая форма: можно крестить и в три, и в одно погружение. Важны «намерение и разум крещающего, а самое погружение, единство и троичность иметь за среднюю вещь»<sup>5</sup>. В новейшее время новообрядческие писатели и богословы все в церкви считают обрядом: обряд крещения, обряд венчания, обряд причащения. Иногда еще проще выражаются: церемония богослужения. Дошло до кощунственного отношения к таинствам церковным, что так ярко выяснено в только что вышедшей из печати новой книге о. Иоанна Шаховского «Толстой и церковь». Это уже не только сектантство, но просто, как правильно определил епископ Михаил (бывший профессор Петроградской духовной академии), «атеистическое отношение» к Церкви и ее богослужению.

Известный архиепископ Андрей Уфимский, посаженный большевиками в московскую тюрьму, написал там сочинение под заглавием: «Десять писем к старообрядцам». В одном из них он пишет: напрасно старообрядцы называют нас, православных, новообрядцами: мы и не старообрядцы, и не новообрядцы, мы просто — безобрядцы. У нас все допущено: всякое сокращение в службе, всякое извращение, все делается, «якоже настоятель изволит».

Справедливо писал в свое время проф. И.Ф. Нильский: «У нас, собственно, нет настоящей службы, есть лишь оглавление к службе: запевы и больше ничего». Богослужение превратилось в крыловский тришкин кафтан: полы и фалды обрезаны, все перекроено, отброшено, обшипано: «один ворот остался». Но это есть практическое выполнение установленного принципа: обряд — ничто, «ниже нужен, ниже потребен ко спасению». Дошло до того, что нет теперь (да и давненько это практикуется) ни одного православного интеллигента (говорим о церковниках), ни одного священника, ни одного архиерея православного, который смог бы совершить на себе истовое, то есть истинное, крестное знамение. Все они не крестятся, а, как выразился И.С. Тургенев, водят рукой с верхней пуговицы до средней и обратно.

Удивительная метаморфоза произошла с новообрядчеством: начало оно с проклятий и гонений за старый обряд, жестокими мучениями и убийствами за одни лишь пальцы, а кончает потерей самого крестного знамения и превращением церковных таинств в пустую, ненужную форму.

Совсем иное отношение в старообрядчестве к церковной внешности, к стилю, к веществу таинств и богослужения. Старообрядцы остались во всем верны древлеправославной, дониконовской Церкви, глубоко впитали в себя ее дух, верования, благочестие. Справедливо новые историки характеризуют древнюю Русскую Церковь обрядоверной, свято и строго соблюдавшей все уставы и обычаи церковные. Знаменитый историк Русской Церкви, он же не менее знаменитый и «расколовед», Макарий митрополит Московский, утверждает, что «некоторые из нынешних раскольнических мыслей в первый раз внесены были в Россию еретиком Мартином, пришедшим к нам из Армении около половины XII в., в 1149г.»<sup>6</sup>. Конечно, в наше время каждый грамотный человек знает, что Мартина Армянина-еретика в России не существовало, что опубликованное Синодом в царствование Петра В[еликого] соборное Деяние на этого небывалого еретика есть грубый подлог, тогда же разоблаченный, и притом весьма научно, старообрядцами. Этот документ не показали даже Карамзину. Он хранился за семью печатями до нашего времени. Только уже при большевиках он был вскрыт. Известный знаток древних рукописей и большой любитель и собиратель старообрядческой письменности, В.Г. Дружинин, написал и издал исследование этого памятника времен Петра. Он высказал большое удивление: как можно было в то время поверить, что это соборное Деяние написано в XII в., так груб и так очевиден его подлог. Автор его ничуть не постарался написать его под стиль XII столетия. Он написал его ха-

<sup>4</sup> Синайский. Отношение русской церковной власти к расколу при Петре I. С прилож.

<sup>5</sup> В кн.: Оправдание поливального крещения. Изд. Свят. Синода, 1724. Л.55.

<sup>6</sup> Макарий (Булгаков). История русского раскола. 1858. Т. 12 С.1.

рактором письма Петровского времени и тогдашним слогом. Трудно допустить, чтобы митрополит Макарий не знал, что это — подлог. Знал он это, и прекрасно знал. Но он разделял верования и взгляды фальсификатора, поэтому и самый подлог выдал за подлинный документ, чем, конечно, только опозорил себя. Однако он правду написал, что старообрядческие (по его классификации — «раскольнические») мысли существовали в России уже в XII в. В действительности они существовали гораздо раньше, вернее сказать: не было в Русской Церкви такого момента, когда бы она не жила ими.

Другой историк, впрочем, светский, С. Князьков, говорит: «Корни раскола приходится искать в очень отдаленных глубинах русского прошлого. Зачатки его, можно сказать, таились во всем строе русской церковной жизни, как он создавался после принятия христианства Владимиром Святым»<sup>7</sup>. Вот откуда идет старообрядчество: вся Русская Церковь с самого ее начала была подлинно старообрядческой. В чем же выражалось ее «староверие», или «обрядоверие»? Древний русский народ, разъясняет г. Князьков, был в глубочайшей степени религиозен и церковен. «Проходя мимо церкви, русский человек того времени никогда не забывал остановиться, снять шапку и положить несколько поклонов». «Кресты обязательно все носили на шее. Уезжая куда-нибудь, русский человек брал в дорогу свою икону». «Различные предметы, освящаемые в храме: просфоры, масло, святая вода — чтились необыкновенно. Со всеми освященными в церкви предметами русские люди обращались как со святыней». «Отправляясь в дорогу, русский человек никогда не забывал отслужить молебен. Входя в дом, молились, уходя, тоже клали поклоны. Строжайшим образом соблюдали посты. Любовь русских людей к молитве и посту просто изумляла иностранцев»<sup>8</sup>. Невольно воскликнешь: не мужички русские, а ньютоны английские! Не сиволупые дикари, а луи-пастеры французские! Известно, что великий ученый Ньютон, когда упоминал имя **Бог**, обязательно и почтительно снимал шляпу. А Луи Пастер молился даже в своей лаборатории и заявлял: «Я много изучал природу, поэтому я верю как простой крестьянин, а если бы еще больше изучал, то веровал бы как крестьянка из Бретани» (Бретань — французская область, где очень религиозны крестьяне). Но чем эти знаменитые ученые почти нашего времени не похожи на наших древних русских набожных людей? Они были подлинно староверами, или обрядоверами. Молились, снимали шапки, благоговейно относились даже лишь к произнесению имени Господа.

Все древние святители как Русской Церкви, так и Восточной (греческой), были подлинными староверами, или обрядоверами. Возьмем, к примеру, св. Иоанна Златоустого. Известно его изречение: если не истово изобразуется на человеке крест, то тому «маханию бесы радуются». Такое решающее значение придавал Златоуст внешней форме: он судил чисто по-староверчески, был подлинным обрядовером.

Таковыми были и св. апостолы. Апостол Павел требует: «Все должно быть благопристойно и чинно» (1 Коринф., 14:40). Именно «чинно», то есть по порядку, по уставу, а не как попало: хочешь три раза погружай при крещении, а не хочешь в три, крести в одно погружение — все равно это. Леня тебе по-настоящему сотворить крестное знамение на себе, махни, как попало, а то и никак не нужно, лишь бы в мысли было там что-то такое умное и важное. Вот это уже не по Златоустову и не по Павлову, а по-новому, синодальному, по-новообрядческому. Пришел в церковь, слышишь, что идет какая-то служба, а ты заводи свою: молись, когда вздумаешь, кланяйся, когда захочешь, становись на колени, когда есть охота. А то пройдишь по церкви, растолкай публику и начни прикладываться к иконам, где хочешь и как хочешь. Это тоже новообрядчество, это, как выразился и определил архиепископ Андрей Уфимский, безобрядие, безнарядие, бесчиние. «Средние вещи, — разъясняет Синод, — ниже нужная, ниже потребная ко спасению». Пожалуй, совсем ненужные, да и лучше бы совсем их не выполнять, больше было бы порядка, чем эта бестолковщина и произвольщина.

Обычно определяют церковный обряд как одежду на человеке, как облачение, как наряд, который сегодня может быть одним, а завтра другим. Недаром же есть и

---

<sup>7</sup> Князьков С. Как начался раскол Русской Церкви. Б. г. С.4.

<sup>8</sup> Князьков С. Указ. соч. С.10-12.

выражение «меняет как моду» или «как перчатки». Так к нему и относятся безобразцы, причем как уже к довольно поношенным перчаткам.

Совсем по-другому оценивает и признает обряд старообрядчество. Для него он не одежда, хотя бы самая модная и самая дорогая. Обряд есть плоть живая, тело всякого священнодействия. Нет ни одного таинства церковного, ни одного священнодействия, ни одного церковного богослужения, которые можно было бы совершить без обряда, без видимого проявления, без формы, вернее, — без тела, без плоти и крови. Как, например, могло бы совершиться величайшее таинство Христово — Божественная Литургия, св. Причащение без хлеба и вина? Как можно совершить миропомазание без самого мира, без вещества, из которого оно состоит? То же можно спросить и обо всех церковных таинствах. Разве может быть св. крещение без воды, без купели, без крещаемого и без крестителя? Без обряда нет самого таинства, нет даже религии. Самая благодать Св. Духа преподается через видимое вещество, через плоть или тело, видимое, осязаемое, воспринимаемое нашими телесными чувствами. Сам Сын Божий не мог явиться к людям без плоти и крови, без воплощения. Бог Отец также всегда проявлял себя в видимой и слышимой форме-обряде: в виде облака, горящего куста; голоса человеческого, как при крещении Иисуса Христа; необычайного осияния, как на горе Фаворе. Дух Святой в виде голубя или огненных языков. В этом и есть сущность таинства, в этом соединении Божества с плотью, в этом проявлении его через обряд, видимую или осязаемую форму или вещество, материю.

Сам человек таинственнее своего духа. Дух сам по себе, без тела, совсем не существует для нас, как и тело, лишенное духа и, стало быть, превратившееся в труп, не заключает в себе ничего таинственного. А вот соединение духа с плотью и есть великая тайна, есть непостижимое таинство. Без плоти и крови, без видимого, материального вещества этого таинства не было бы. Религия и есть собственно плоть нашего духа, тело нашей веры, как это и говорит апостол Иаков: «...вера без дел мертва» (Иаков, 2:26), то есть, совсем ее нет. Вот это и есть настоящее обрядоверие — признание жизненной, животворящей силы за делами, за обрядами, за внешним, фактическим проявлением сострадательной любви. Далекие предки наши дониконовского периода прекрасно понимали такое таинственное значение обряда, поэтому и относились к нему с таким необычайным почтением, с таким сердечным благоговением. Совершенно верно говорит Князьков, что «корни раскола» (по его оценке, безверный интеллигент — это раскол) выявили себя в очень отдаленных глубинах русского прошлого. Оттуда непрерывно идет наше старообрядчество, или, как его в осуждение определяют разные князьковы, обрядоверие.

Старообрядцы высоко ценят свои обряды не потому, как думал неверно о. И. Верховский, что они национальные, древнерусские; ни один старообрядческий писатель ни прошлых веков, ни нашего времени не высказывал такого взгляда. Возьмем для примера двоеперстие. Оно дорого старообрядчеству не по древнерусскому своему происхождению, а по апостольскому преемству: оно от св. апостол, даже от Самого Христа, оно, как красиво его определяли старообрядческие писатели прошлых веков, «дарование Христово». Отбросить его — это значило бы отвернуться от самих апостолов, презреть Самого Христа. Старообрядчество и заключается в неизменной преданности своим прошлым пастыреначальникам, в неразрывной связи с прошлым, в беспрекословном повиновении древней апостольской и вселенской Церкви. Собственно, Церковь как тело, как организм божественный всегда, в любой момент своей истории наличествует вся целиком: вот перед нами здесь и сейчас и Вселенские Соборы, и все апостолы, и Сам Христос. От них мы никуда не можем уйти, если мы — члены этой Церкви. Для старообрядцев их голос жив и теперь, и они его слышат и повинуются ему, ибо он никогда не умирает, вечен и действителен.

Весьма понятно поэтому требование старообрядчества — все в Церкви совершать и выполнять истово, точно, без всяких уклонений и извращений. У него культурное отношение к церковности, к обряду. Все в Церкви должно совершаться и выполняться с благоговением, истово, то есть истинно, по-настоящему, чтобы, например, из изображения на себе креста Христова выходил бы действительно крест, а не «махание бесовское», по выражению св. И. Златоустого. Каждая служба церковная есть цельный организм, в нем выражена определенная идея, точный смысл. Невыполнение всего его порядка, обряда

есть уже извращение или, в лучшем случае, урезывание, окургузивание этого смысла или идеи. Есть бесчестность, обман, лицемерие, фальсификация, часто корыстная, что увеличивает преступление, нередко результат лени. Новообрядчество, в противоположность обрядоверию, есть некультурность, уродство, извращение: «тришкин кафтан», а не служба церковная, «один ворот» — и больше ничего!

Скажут: если все выполнять, все совершенно точно, по установленному, то где же будет тогда пресловутая свобода, которой так прельщают всяких лентяев и безобрядников. Нужно строго отличать свободу от произвола и разгильдяйства, всяческой самости. Если машина (безразлично какая — автомобиль или пишущая) хорошо свинчена, все винты закреплены и на своем месте, она тогда идет легко и *свободно*, куда нужно и как нужно. А если у нее гайки свободны, т.е. развинчены, винты и винтики растеряны, то на такой машине далеко не уедешь, и она туда вас занесет, что вы и без головы останетесь. Она будет бежать свободно, не стесненная ни гайками, ни винтами, ни рулем. Так и в службе церковной: если в ней все поклоны на месте, все свинчено в порядок определенный, то она отвечает своему назначению, а в этом, собственно, и есть свобода. Если же в ней одно выброшено, другое заменено чем попало, и все-то выполняется тоже как-нибудь, то получается не свободное служение Богу, а произвольное, случайное, похотливое, т.е. подчиненное не уставу, не духу Церкви, а своим личным хотениям, своеволию, капризу, то есть безобразию. Старообрядчество — это свинченная машина, идущая легко, свободно и куда нужно. А новообрядчество — это развинченная машина, без винтов, без гаек, без руля и идущая куда попало и как попало. Там *свобода*, а здесь *произвол*.

Старообрядчество есть собственно иконопочитание. Ведь всякая церковная служба, все таинства, все проявление благодати есть сплошное иконотворчество, то есть образ, подобие, форма, обряд. Старообрядчество есть благоговейное отношение ко всем этим св. *иконам*. Оно требует стильности, красоты, точности, благолепия во всем. Для него это не «средние вещи», которые, может быть, и совсем не нужны, а великая святыня, сама благодать Божия.

В противоположность сему новообрядчество есть иконоборчество. Иконоборчество не в том только выражении, что оно веками изгоняло из своих церквей старые иконы, старые святыни, старые кресты — осмиконечные — и старые книги, разрушало ценнейшую русскую культуру с презрением и остервенением. Оно иконоборчество и по существу, по принципам своим, ибо провозгласило и практически проводило и проводит в жизни, что обряд церковный — ничто, не имеет никакого значения, «средняя вещь», которая для спасения совершенно не нужна и не потребна. Сколько и как зло и ядовито высмеивалось и до сих пор высмеивается так называемое обрядоверие. Молиться большим крестом стыдно, истово его совершать — это мужичье невежество, некультурность, темнота; то ли дело — махнуть как-нибудь, это и культурно, и интеллигентно. А по адресу «толстой молитвы» сколько было и есть зубоскальства даже в духовных журналах и богословских книгах! Всякая истовость в богослужении, всякая уставность, всякое честное, именно культурное отношение к обрядности высмеивались веками. Обрядочество, то есть иконопочитание, в оценке новообрядчества, стало «притчей во языцех», чем-то унижительным и позорным. Вот это отношение к обряду, это презрение и осуждение и есть тяжкое и мрачное иконоборчество. В лучшем случае, оно само икона, но новая: без глаз, с оторванными руками, с переломанными ногами, то есть безуставное служение — с пропусками, с извращениями, с вывихами и со всяким уродством. Раз это «ненужная вещь», то с нею и такое обращение.

Но в то же время безобрядчество есть и идолопоклонство. Старообрядцы очень строго отличают иконы святые от идолов, под каким бы видом ни навязывали их им. Они не могли, например, променять двоеперстие на триперстие. Для них первое есть святое изображение, есть икона Христова: в нем совершенно правильно, догматически вполне православно и благочестно иконописуется Св. Троица и два Христовых естества — Божеское и человеческое. Оно апостольское предание, Христово знамение. Старообрядцы не могли променять его на другую какую-либо икону, а тем более на идола. Они поэтому не могли заменить его триперстием.

Во-первых, потому, что последнее есть новшество. Древняя Церковь его не знала. Прошло уже почти три века, как идут споры о нем, однако приверженцы его до сих пор не отыскивали ни одной древней иконы — ни в России, ни на Востоке, ни на Западе — с изб-

ражением на ней триперстия. Ни один св. отец древней Церкви не знал его и поэтому не писал о нем.

Во-вторых, триперстие сразу же явилось при Никоне врагом двоеперстия. Врагом древнего, апостольского предания, освященного тысячелетиями, прославленного тысячами чудотворных икон, закрепленного соборными определениями древней Церкви и многочисленными писаниями великих святителей; врагом, пришедшим извне, из чужой страны, неизвестно кем изобретенным.

В-третьих, триперстие навязывалось русскому народу посредством чудовищных проклятий и анафем и невыразимых насилий. Из-за него ломали тысячам благочестивых людей пальцы, жестоко преследовали в течение веков самых верных чад Церкви и государства, убивая их на плахах, в застенках, подвергая их ужаснейшим пыткам, тысячами сжигая их в срубах. В представлении этих святых мучеников триперстие стало жестоким идолом.

В-четвертых, оно лишило русский народ свободы, даже этой восхваляемой теперь свободы выбора обряда: нельзя было под угрозой смерти знаменоваться каким-либо другим перстосложением, кроме триперстия. Люди, запуганные, уstraшенные беспощадными пытками и казнями, трусливо и рабски пали ниц перед этим идолом, лишившись самого ценного дара человеческого достоинства — свободы веры.

В-пятых, как Никон, так и московские соборы провозгласили и закрепили клятвами и анафемами триперстие как неизменный догмат на вечные времена: Они действительно сделали из него какого-то непогрешимого идола и впали в идолопоклонство. Триперстники в ужасающей степени стали обрядоверами и обрядопоклонниками, но только новыми, бессмысленными, рабскими. Ради него [триперстия] и во имя него совершали подлоги, клеветали на древнюю св. Церковь, приписывая ей небывалые деяния ее, небывалые соборы, подделывали мощи, иконы, кресты и т.п.

В-шестых, в триперстии заключается догматическое несовершенство: в нем ничем и никак не изобразуется догмат богочеловечества: два Христовых естества — Божеское и человеческое, что так явно и ясно выражается в двоеперстии.

В-седьмых, новообрядцы отлично знают, по крайней мере, их архиерейство и богословы, что триперстие — несовершенный обряд: ибо в одних своих определениях, даже соборных, и в катехизисах они признают, что изображение в триперстии двух Христовых естеств, Божеского и человеческого, двумя остальными пальцами сверх Троицы (каковая изображается первыми тремя перстами) есть несторианская ересь, «злостное разделение». А в других это же «злостное разделение» вводят в триперстие, толкуя, что последние в нем пальцы (мизинец и безымянный), пригнутые к ладони, изображают Сына Божия помимо Св. Троицы, еще отдельно — в двух Его естествах. Тем не менее новообрядцы ни за что и никак не хотят отменить триперстие как несовершенный, неправославный и новый обряд и восстановить на его месте двоеперстие — древнее, апостольское предание, истинно православное, вполне благочестивое и во всех отношениях совершенное.

Таким образом, они сами превратили триперстие, точно околдованные им, в какого-то несокрушимого идола, затмившего в них разум и сознание, волю и совесть. Даже при учреждении единоверия в 1800 г., как мы выше отметили уже, хотя и было дозволено двоеперстие, однако с непременным условием, чтобы оно «со временем» было уничтожено и заменено триперстием, чтобы единоверцы в конце-концов пришли «в неразностьствующее с церковью согласие». Иначе они признаются еще «не просвещенными Богом», точно язычники. Безобрядники, они, однако, свои «средние вещи» признают очень нужными, весьма спасительными, без которых не может быть даже от Бога просвещения.

В такой же степени и на тех же основаниях и именованное перстосложение превращено в несокрушимого идола.

Таким образом, безобрядие стало идолопоклонническим. Старобрядчество же остается иконопоклонническим.

Некоторые из новообрядческих писателей и даже богословов, а также и светские писатели, выражают относительно церковных обрядов старообрядческие мысли и верования. Так, еще Ф. Достоевский написал легенду о том, как одни мудрецы, не придавая значения обрядам, несли в бутылки (это — обряд) драгоценное миро (догмат), но споткнулись и разлили миро, и оно погибло. Красивая это легенда, и верен ее смысл: нужно хранить не только догматы, но и

обряды, без последних и первые гибнут. Легенда эта не раз была использована в старообрядческой литературе. Но она не вполне верно выясняет значение церковных обрядов: они больше, чем посуда, они самое вещество мира.

Другой светский писатель, В.В. Розанов, выражался: «Стиль — это все». Всякая картина есть стиль, всякая речь — тоже стиль. Сама природа есть стиль. Но стиль есть именно обряд, вещество, материя, форма, аристотелевская энтелехия<sup>9</sup>. Собственно, вся жизнь есть обряд, организованная материя, своего рода священнодействие или богослужение.

Известный философ, писатель и богослов протоиерей Сергей Булгаков так именно и называет церковные обряды — богодействие<sup>10</sup>. Такое верование и есть именно старообрядчество, обрядоверие, иконопочитание.

Знаменитый русский историк Ключевский писал: «Я не разделяю пренебрежительного отношения к обрядам церковным». Он доказывал, что обряд так же неразрывен с догматом, как в музыке (голосовой и инструментальной) неотделима мелодия от содержания или в математике знаки от вычислений<sup>11</sup>. Это тоже именно старообрядческое понимание значения обряда. Далеко он не «средняя вещь», которую легко выбросить. В жизни, в повседневной практике он имеет большее значение, чем сами догматы. Догматы — это, так сказать, рецепты верований, а обряды — лекарства, приготовленные по этим рецептам. Догматы — это, если позволительно делать такое сравнение, «поваренная книга», а обряды — приготовленная по этой книге пища. В жизни пища имеет большее значение, чем сама книга. В догматах мало кто разбирается, в них и специалисты-богословы иногда путаются, а обряды всем понятны и ясны. Что такое жизнь, этого не скажет ни один ученый, до сих пор нет научного определения жизни. А что такое жизнь на самом деле, это знает всякий живой человек. Она — непрерывное творение, движение, форма, т. е. обряд.

Нужно вернуть обряду царственное его достоинство. Даже такой философ, как Н.И. Бердяев, заговорил в обрядоверном духе: «Великая тайна скрыта в том, — пишет он в своей новой книге «О рабстве и свободе человека», — что средство важнее цели. Именно средства, путь свидетельствует о духе, которым проникнуты люди. По чистоте средств, по чистоте путей узнаете, какого люди духа»<sup>12</sup>. Человек с пустым сердцем, с больным духом не сумеет и помолиться как следует, у него будет одно лишь «маханье», а не молитва.

Великая Россия наша и погибла от потери обрядоверия, от утраты дисциплины духа и Церкви. Все распустились, у всех ослабли винты и растеряны гайки. Вот и пошла огромная машина колесить куда попало, пока не скатилась в бездну большевизма. Для возрождения и восстановления России нужно прежде всего восстановить в каждом русском человеке спасительное обрядоверие. Нужно, чтобы всю духовную и церковную жизнь пронизало и пропитало обрядоверие, как оно совсем даже поработило светскую интеллигентную жизнь. Мы не можем даже представить себе, чтобы благовоспитанный культурный человек явился в общество с разорванным галстуком или со сдвинутыми набок, с оторванными или лишь с отвисшими пуговицами на сюртуке или на пиджаке, на засаленных брюках и т. п.; чтобы он не умел поздороваться с людьми; чтобы он сморкался в кулак и т. д. В церкви же все подобное (не это именно, а подобное по смыслу и месту) бескультурье, бесчинье, беспорядок допускается и даже оправдывается, дескать, в делах веры должна быть свобода (которую не отличают от произвола и каприза): молитва по настроению, поклоны по желанию, пение по вкусу, причем испорченному растленной современностью. Забывают, что Церковь — хор, стройная мелодия: Церковь приглашает славить Бога «едиными усты и единым сердцем». Так все должно быть здесь согласованно, слитно, монолитно, чтобы не было никаких вывихов, никаких шероховатостей. В этом, собственно, и заключается обрядоверие («стиль — это все»), или старообрядчество.

Семьсот лет оно спасало св. Русь от всех ее врагов, крепило ее, растило и развивало. А потом пошло вековое разложение ее. И она, превратившись во всероссийскую империю, так [и] рухнула сразу! Снова может ее возродить и восстановить только обрядоверие, только те средства, которые, по свидетельству Бердяева, важнее самой цели. Тогда она

---

<sup>9</sup> С греч.: завершение, осуществленность. — *Ред.*

<sup>10</sup> См: Булгаков С. Свет невечерний. М.: Агнец Божий. Париж.

<sup>11</sup> Ключевский В. Курс русской истории. Ч. III: Лекции о никоновской реформе.

<sup>12</sup> Бердяев Н.И. Указ. соч. С.162.

опять может стать прежней Святой Русью по духу и верованию, но в уровень с современными культурными и научными достижениями.